

Copyright © 2015 by Academic Publishing House *Researcher*

Published in the Russian Federation
History and Historians in the Context of the Time
Has been issued since 2003.

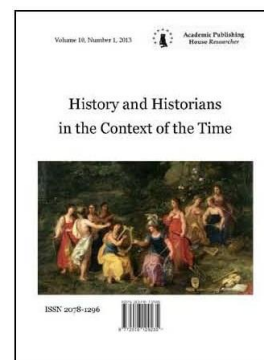
ISSN: 2078-1296

E-ISSN: 2310-6239

Vol. 14, Is. 1, pp. 39-50, 2015

DOI: 10.13187/hhct.2015.14.39

www.ejournal3.com

UDC 93

From Military Modernization to Nationalism and a National State in Qajar Iran

Nugzar K. Ter-Oganov

Tel Aviv University Center for Iranian Studies, Israel

Dr. (History)

E-mail: nteroganov@yahoo.com

Abstract

This article examines the historical landmarks of the development of Qajar Iran in the 19th century. Following a number of defeats at the hands of the Russian Empire in the first third of the 19th century, Iran's leadership started to give serious thought to modernizing its army. The author also touches upon the concept of nationalism in Iran and describes its distinctive characteristics.

Keywords: military modernization; nationalism; Iran.

Введение

В настоящее время, на фоне разговоров об "охватившем" якобы весь мир процессе глобализации не утратило своего значения такое понятие как "национализм", и вряд ли утратит, чему служат подтверждением последние события на Ближнем Востоке, где процесс создания национальных государств еще не завершен. Национализм – это историческая реальность, подтвержденная двухвековой практикой.

Яркие проявления национализма наблюдаются не только на Ближнем Востоке, но также на постсоветском пространстве, где именно национализм стал основной идеологией новообразованных государств. Причем для большинства новых государств бывшего Советского Союза характерна и немалая доля клерикализма, как неотъемлемая часть национальной идентификации. Палитра может получиться намного пестрее, если принять во внимание очередную волну политического ислама [1] в виде так называемой "арабской весны" с ярко выраженными элементами исламского фундаментализма как средства самоидентификации, направленного, фактически, против процесса глобализации.

Результаты

Через модернизацию к национализму в странах Азии

Хотя общепринято относить рождение наций и национализма к эпохе промышленной революции и появлению свободного рынка в Европе, тем не менее, как показывает исторический опыт, каждый народ дорогу к национализму и далее к национальному государству прошел по-своему.

Тем не менее, есть существенная разница между тем, как развивался национализм в Европе и странах Азии. Если в Европе национализм появился в результате бурного развития буржуазных общественно-экономических отношений в начале XIX века, то в Азии он зародился позднее под сильным влиянием проникших из Европы идей модернизации. В сущности, модернизация всех сторон жизни и, в первую очередь, военная модернизация,

способствовала формированию национального самосознания в странах Азии и стала эффективным средством строительства национальных государств [2]. Конечно, одним этим фактором вряд ли можно объяснить причину зарождения в них национализма. Ведь такие немаловажные факторы, необходимые для рождения нации, как общность территории, исторического прошлого, письменности, языка, культурно-духовных ценностей, вероисповедания, обычаев и т.п., существовали в странах Азии и задолго до рождения европейских наций!

Тем не менее, как показывает исторический опыт, многие ближневосточные страны путь к национализму и национальному государству прошли именно через военную модернизацию.

При всем этом, в отличие от многих стран "третьего мира", которые сформировались как национальные государства после крушения системы колониализма, Ирану не пришлось пройти этот путь [3] благодаря своей многовековой государственности, тесно связанной с монархическим режимом.

Культурно-исторические корни иранского монархического национализма

Феномен иранского монархического национализма уходит своими корнями в эпоху древних персидских империй Ахеменидов и Сасанидов, когда в представлении иранцев мир состоял из двух частей: собственно Ирана и всего остального (*Иран ва ан-Иран*). Унаследованный династией Сасанидов от элинизированной парфянской династии Аршакидов институт *шахин-шаха* являлся выражением абсолютного верховенства царствующего дома [4]. Для подчеркивания величия пришедшая к власти династия Сефевидов также стала величать правителей Ирана шахин-шахами.

В умах иранцев Иран воспринимался как центр вселенной. С давних пор иранский этноцентризм стал составной частью мировоззрения населения этой страны. Неслучайно, например, что почти тысяча лет спустя после крушения династии Сасанидов, столицу сефевидской империи ставили вровень с остальным миром: *Эсфахан – несф-е джахан!*

Монархический национализм – ранняя ступень секулярного национализма

Эпоху позднего средневековья, включая и период утверждения в Иране власти Каджаров, можно охарактеризовать как эпоху монархического или феодального национализма, когда такое понятие, как патриотизм, одна из присущих черт национализма, воспринимался не через призму любви или верности стране, а через верности шахской власти. Причем эта верность зиждилась не на любви к родине, а на страхе наказания за проявление неверности в отношении шаха и аллаха. В этом смысле весьма характерны строки письма Фатх-Али-шаха Каджара, адресованного наследнику престола Аббас-мирзе в период русско-иранской войны: "То, что народ убегает от русских и не может сопротивляться, происходит от страха потери жизни. Так что, задумав бежать, они должны бояться твоей кары [во время бегства они тоже должны бояться тебя – так в тексте]. Я уверен, что в таком случае они никогда не предпочтут бегство сражению. Если же ты на месте отрубишь голову этим 500 человек, то впредь ни один отряд не убежит от врага, а прольет кровь за вас" [5]. То есть феодальный или другими словами монархический национализм представлял собой персонифицированную форму преданности, верности в отношении сюзерена. Вместе с тем, начиная с XVI в. доктрина шиизма, смешавшись с иранскими историческими традициями, стала составной частью монархического национализма [6].

Но многовековой монархический или феодальный национализм дал первую трещину в самом начале XIX века, когда в восточном Закавказье столкнулись военно-политические и торговые интересы России и Ирана. Две русско-иранские войны 1804–1813 и 1826–1828 гг. и их катастрофические последствия для каджарского Ирана, нашедшие выражение в статьях Гюлистанского и Туркманчайского договоров, стали одним из важнейших причин кризиса монархического национализма в Иране. Поражение, причем поражение от "неверных", пробуждал в иранцах чувство ущемленного национального достоинства. Именно эти две войны стали тем внешним раздражителем, за которым последовала череда попыток военной модернизации. Вообще, модернизация в древних, восточных государствах и, в

частности в каджарском Иране, была не только общественным процессом, как это было на Западе, но была часто ответом на вызовы с Запада [7].

Начало военной модернизации в Иране

Военные поражения и территориальные потери в восточном Закавказье уже в течение первых лет войны в 1804–1806 гг., показали слабость феодальной военной машины Ирана. Чтобы исправить ситуацию каджарские правители были вынуждены использовать военный опыт беглых и пленных русских солдат, а позднее обратиться за помощью в строительстве регулярного войска сначала к Франции, а затем к Англии, тем самым, признав превосходство европейской военной системы над феодальной. Согласно Абд-ар-Раззак-бек Думбули, "тогда войско Ирана оставило свой старый порядок *"незаме-кадим"* и вооружилось новым порядком *"незаме джадид"* – то есть европейской военной системой. Фактически *"незаме джадид"* подразумевал создание регулярной армии и сильно напоминал одноименную военную реформу Селима III, проведенную последним еще в 1792 году [8].

В принципе, первые шаги по созданию регулярных воинских частей в Иране были направлены на использование европейского военного опыта в борьбе против европейского государства. Модернизация как в виде первых преобразований в военной сфере, так и последовавших позднее общественно-политических реформ, стала платформой для зарождения ростков национализма в недрах все еще феодального Ирана. Именно на волне модернизма Иран познакомился с сутью национализма, нации, родины и другими подобными понятиями.

Создание регулярных воинских частей естественно требовало внедрения европейской военной системы. Для реорганизации иранского феодального войска и создания новых регулярных частей были приглашены иностранные военные инструкторы: французы и англичане [9]. Они стали первыми, кто стал обучать иранских новобранцев по европейским военным уставам. Солдаты регулярных батальонов, сарбазы и джанбазы, были одеты в униформу и вооружены ружьями европейского образца. Европейские наставники принимали активное участие в обучении солдат и офицеров и в налаживании военного производства на местах. Одним словом, военная область стала той сферой, где иранские правители больше всего стали ощущать необходимость в преобразованиях. Тем не менее, деятельность европейских военных наставников не принесла ожидаемого успеха. Две войны с Россией были проиграны, территории потеряны, огромная контрибуция стала прологом социально-экономического кризиса, углубившегося в конце 1830-х и 1840-х годах.

Таким образом, попытка поверхностной военной модернизации, не затронувшая основ устаревшей военной системы, как и следовало ожидать, не принесла желаемых результатов.

Регулярные воинские части формировались, в основном, на племенной основе и только в северной части государства, и не представляли постоянной военной силы. Характерно, что командирами военных частей были вожди племен, что не могло служить целям централизации государства.

Следует заметить, что первая попытка введения в Иране воинской повинности – одного из атрибутов национального государства – относится к имени руководителя первой французской военной миссии в Иране генералу Гардану. Но ввиду всеобщего сопротивления она так и не была претворена в жизнь. В условиях господства феодальных отношений в Иране, новый порядок массового призыва в армию (*la levee en masse*), принятый после победы Французской революции еще во время диктатуры Якобинцев в 1793 году, когда каждый гражданин – солдат, а каждый солдат – гражданин [10], по объективным причинам не был востребован в Иране, и поэтому был отвергнут.

Военные реформы, охватившие Иран по инициативе Аббас-мирзы и его министра в первой трети XIX века, положили начало длительным попыткам реформирования военной структуры каджарского Ирана. Тем не менее, военные преобразования не носили системного характера и вместе с тем охватили, в основном, лишь провинцию Азербайджан.

Второй этап военной модернизации как осознанная попытка создания национальной армии и основ национального государства

Вторая попытка реформирования военной системы страны относится к периоду правления талантливого первого министра Насер эд-Дин-шаха мирзы Таги-хана Амир

Незама (1848–1851 гг.). Мирза-Таги-хан пришел к власти тогда, когда государственная казна была совершенно пуста, налоги не поступали, многие области отложились от центральной власти, вспыхнуло движение Бабидов, угрожавшее абсолютизму Каджаров.

Для выхода из кризиса мирза Таги-хан провел в жизнь несколько реформ, которые должны были служить обновлению всех сторон жизни государства. Они охватили финансовую, административную и военную сферы.

Но главным достижением мирзы Таги-хана Амир Незама, стремившегося к усилению роли государства, была военная реформа, которая показала первые признаки зарождавшегося национального самосознания [11].

Достигнув относительную финансово-административную стабильность, для наведения порядка внутри страны и дальнейшей ее территориальной консолидации, уничтожения центробежных сил, разгрома движения бабидов нужна была сильная армия. В отличие от Аббас-мирзы, мирза Таги-хан как государственный муж, стал думать об организации единой армии, способной защищать независимость страны.

Дипломатический опыт, полученный мирзой Таги-ханом в России в 1820–1830-х годах, а затем в Османской империи в 1840-х годах, послужил ему путеводителем при осуществлении им военных реформ в Иране [12]. Впервые в истории Ирана военные преобразования охватили всю страну и должны были служить дальнейшему укреплению национальной монархии в стране [13]. Можно смело утверждать, что именно мирза Таги-хан стал первым иранским государственным деятелем, кому пришла в голову идея строительства национального государства на базе создания единой регулярной армии.

Самым наглядным примером его стремления к созданию национального государства в широком смысле этого слова, может служить введение им новой системы набора в регулярную армию. Следует заметить, что до того времени в Иране отсутствовала единая система набора в армию, что создавало дополнительные трудности при формировании регулярных частей. Поставив перед собой цель – создание единой регулярной армии, мирза Таги-хан основное внимание уделил именно разработке принципа набора в армию. По его инициативе, система набора, существовавшая к тому времени в Азербайджане и основанная на поземельном налоге, известная под названием "бониче", в 1851 г. была взята за основу набора рекрутов в Иране. То есть, отныне по принципу "бониче" в Иране стали формировать батальоны. В отличие от прежних времен отныне количество набираемых рекрутов не зависело от количества населения того или иного края, а от размера налогов [14]. Такая система набора рекрутов в армию была удобна для государства, поскольку она давала ему возможность заранее определять количество рекрутов [15]. Несмотря на безусловные плюсы новой системы набора, она не была избавлена и от существенного недостатка, который состоял в том, что из списков рекрутов были исключены как представители кочевых племен, так и городское население. Тем не менее, наличием государственного подхода можно объяснить тот факт, что в 1851 году в состав регулярной армии, комплектовавшейся из мусульман (за исключением батальона русских военных беглецов и пленных, расформированного в 1838 году), был включен регулярный пехотный батальон из христиан – жителей Урмии и Салмаса (несториан и армян) [16].

За короткий срок времени были сформированы 50 батальонов регулярной пехоты [17]. Было четко определено, сколько каждая провинция должна была выставить рекрутов. При нем призыв представителей оседлого сельского населения стал нормой. Вместе с тем был определен и численный состав батальонов. Впервые в истории Ирана стала обычной практика несения гарнизонной службы частями регулярной армии [18]. При нем впервые началось массовое строительство в городах страны казарм (сарбазханэ) для солдат регулярной армии [19].

Согласно новому военному уставу, впервые был установлен срок несения воинской службы (12 лет), а также порядок его прохождения: чередование двухлетней службы с четырехлетним отпуском (2+4+2+4). Причем находясь во втором отпуске, он должен был пройти кратковременный курс военного обучения от нескольких дней до 3-х месяцев, после чего считался в резерве [20]. Таким образом, мирза Таги-хан рассчитывал создать 30-тысячный постоянный резерв. Он внес изменения и в организационную структуру армии.

Следует подчеркнуть, что в своих начинаниях мирза Таги-хан однозначно руководствовался общегосударственными или национальными интересами, чем он в корне отличался от Аббас-мирзы. Мирза Таги-хан понял необходимость развития собственного военного производства в масштабах всего государства. Причем это касалось многих его отраслей. По его указанию, по всему Ирану было организовано военное производство. Были построены новые и отремонтированы старые военные заводы по производству ружей, патронов, пороха и пушек, холодного оружия, фабрики по пошиву форменной одежды [21]. Одним словом, шел процесс модернизации армии.

Общегосударственное видение Мирзы Таги-хана охватило важнейшую сферу военной системы, от усовершенствования которой во многом зависел вопрос создания боеспособной армии. Это была подготовка офицерского корпуса. Причем, как свидетельствует вся деятельность иранского реформатора, он понял главное: регулярная армия может быть создана не путем обучения солдат со стороны иностранных инструкторов, а путем создания очага военного образования для воспитания будущих офицеров в самой стране. Это был совершенно новый подход к вопросу о формировании единой регулярной армии. Отсутствие в Иране военных училищ вынудило Мирзу Таги-хана приступить к строительству в Тегеране высшего учебного заведения, известного под названием Дар ол-Фонун, в котором, в основном, должны были обучаться офицерские кадры.

Однако, как известно, задуманным планам широкой модернизации регулярной армии Ирана, включая подготовку офицерского корпуса, не было суждено сбыться – феодальная оппозиция – ярый противник реформ, одержала победу при шахском дворе, что означало конец курса на модернизацию армии.

Третий этап попыток военной модернизации

Очередная попытка модернизации армии связана с именем Мирзы Хосейн-хана Мошир од-Доуле, великого Сепаксалара. До своего назначения на пост в 1871 г., находясь на посту иранского посла в Стамбуле, Мирза Хосейн-хан, как и его предшественник оказался под влиянием "танзимата". Следует заметить, что несмотря на его попытки реформирования армии, вопреки утверждению иранской историографии, армия сильно погрязла в коррупции и полное расстройство. По мнению одного военного специалиста того времени, "иранская армия, на содержание которой уходила половина государственного бюджета, существовала только на бумаге, а отпускаемые на нее деньги бессовестно расхищались" [22]. Причем под маркой модернизации шла бойкая торговля воинскими званиями, в чем активное участие принимал и сам Насер эд-Дин-шах [23]. Примечательно, что по признанию самого военного министра, в период его правления иранская армия находилась значительно ниже по степени своей подготовки, чем 20–25 лет тому назад при Мирзе Таги-хане [24]. С уходом Сепаксалара, по справедливому замечанию М.Реза Афшара, закончилась эпоха "элитарных реформаторов" [25], стремившихся модернизировать общество "сверху".

Следует заметить, что при нем опять вернулись к порочной практике приглашения иностранных военных инструкторов, которые охватили лишь малую часть регулярной армии и не затрагивали основ военного строительства. Хотя в начале 80-х годов XIX в. австрийским военным миссиям удалось организовать несколько батальонов пехоты, однако вскоре после их ухода из Ирана они пришли в полное расстройство. Что касается так называемой Персидской казачьей бригады, организованной русскими офицерами в 1879 г., то она была малочисленна и, что главное, фактически играла роль шахской гвардии и не подчинялась иранскому военному ведомству. Тем не менее, находясь под русским контролем, она превратилась в самую боеспособную и организованную военную силу в Иране.

Военная модернизация и национализм: формирование национальной армии

Вообще, наряду с процессом модернизации страны идеи общественного переустройства имели значительное влияние на формирование национального самосознания среди иранцев. Справедливо замечание Б.Андерсона о том, что национализм это коллективное самосознание [26]. Первым, наиболее ярким проявлением национализма в Иране можно признать бойкот табачной концессии "Талбота" в 1890–1892 гг., который

показал рост коллективного самосознания. В этой связи представляется уместным привести слова Эли Кадури о том, что "национализм в Азии и Африке, как это теперь общепризнано, является реакцией против европейского господства" [27].

Чувство коллективного самосознания особенно стало развиваться в годы Конституционного движения в Иране в 1905–1911 гг., когда его участники стали требовать сначала ограничения шахского абсолютизма, а затем установления социальной справедливости, верховенства закона и представительного правительства. В результате острейшей борьбы они добились трансформации абсолютной монархии – в конституционную монархию.

Хотя и в этом случае идея конституционализма, как и военной модернизации, была привнесена из Европы, тем не менее, именно принятие конституции стало свидетельством зрелости общественного самосознания иранского народа. Не случайно, что первый парламент был назван Национальным собранием "*Маджлес-е шура-йе мелли*". Первый парламент на самом деле стал инструментом проведения националистической политики, и выразителем требований национальной суверенности [28]. В стенах парламента, а также на страницах иранской революционной прессы, стали говорить о родине (*ватан*), нации (*меллат*), единой армии (*кошун*), о правах (*хокук*) и обязанностях (*такалиф*), о национальных интересах (*масалех-е меллат*), а также о том, что отныне согласно конституции, впервые размер военного бюджета будет утверждаться Национальным собранием [29], как это практиковалось в европейских странах.

Тех, кто поддерживал конституцию и национализм, стали называть националистами (*меллушун*), а противников – монархистами (*дарбаруан*, *доулатуан*) [30]. Повествуя о событиях в Тавризе 1909 г., Яхья Доулатабади говорит о "национальном правительстве" и "национальном лагере". Примечательно, что впервые деятели Конституционного движения стали говорить об иранском народе как о нации – сплаве различных этносов: турков, персов, арабов, а также не-иранцев [31].

Наряду с тягой иранского народа к свободе, и созданию общего национального очага, объективно немалую роль сыграла и Великобритания в развитии иранского национализма. В этой связи необходимо вспомнить роль британских политических кругов в деле формирования у иранцев идеи национализма, идеи, которая часто почему-то приписывается единолично Реза-хану, стороннику "унитарного" национализма, подразумевающего национально-этническую консолидацию [32]. Не следует забывать и о позиции самых иранских националистов в годы Первой мировой войны в вопросе характеристики иранского народа как нации и строительстве национального государства. Известный демократ еще с периода Конституционного движения Хасан Таги-заде с трибуны международного съезда социалистов в Стокгольме в 1917 г., заявил о том, что иранский народ это "однородная нация, состоящая из одной чистой расы, одной культуры, одной цивилизации с единственным историческим наследием" [33]. По мнению английского посла в Тегеране П.Лорана, результатом событий Первой мировой войны в Иране было рождение "политического национализма" [34].

Не следует забывать и о том, что еще ранее в 1915 году депутаты третьего меджлиса приняли закон о всеобщей воинской повинности, посредством которого националисты намеревались построить национальную армию [35]. О развитии национализма свидетельствовало создание в 1916 г. Национального комитета обороны, а затем временного правительства в Керманшахе.

Ориентирование иранцев на развитие идеи национального государства связано с итогами Первой мировой войны и со сменой политического режима в России. Приход большевиков в России в результате Октябрьского переворота ознаменовал усиление антибританской риторики, которая могла иметь негативное влияние на позиции англичан в Азии. Чтобы остановить распространение большевистских идей на подступах к Индии, и не допустить большевизацию Ирана, Англии следовало противопоставить ему такое средство, которое могло предотвратить влияние большевистской идеологии на эту страну и ближайших ее соседей. В создавшихся условиях английский политический истеблишмент сделал беспроигрышную ставку на поддержку иранского секулярного национализма. Реза-хан оказался именно тем человеком, кто был способен подхватить знамя национализма и стать той самой преградой большевизма в Иране [36]. Вместе с тем, следует заметить, что

идея военной модернизации страны или создание однотипной армии [37] прозвучала вскоре после подписания англо-иранского соглашения августа 1919 года [38].

Для строительства национального государства нужно было покончить с фактической децентрализацией страны, навести везде общественный порядок, обуздать кочевые племена – традиционно центробежную силу, как угрозу унитарной власти, провести необходимые реформы [39]. Для претворения в жизнь всех этих планов, прежде всего, было необходимо на базе разрозненных воинских частей создать однотипную общенациональную армию. Строительство армии стало главным приоритетом военного министра Реза-хана [40]. По первому общеармейскому приказу Реза-хана от 5 января 1922 года, новая армия – *кошун* [41], сформированная на базе слияния Персидской казачьей бригады и жандармерии, должна была быть разбита на 5 военных, дивизионных округов (с центрами в Тегеране, Исфагане, Мешхеде, Хамадане и Тавризе), охватывающих всю территорию Ирана, с Генеральным штабом в Тегеране [42]. Каждая дивизия должна была иметь свой штаб, который должен был подчиняться генеральному штабу в Тегеране [43]. Причем численный состав каждой из этих дивизий был определен в 12.500 человек, всего же, по окончании реорганизации армии, предполагалось общую численность армии довести до 60–63 тыс. [44]

По указанию военного министра были реорганизованы военно-учебные заведения для подготовки офицерского состава. Кадетский корпус Персидской казачьей дивизии и военная школа военного министерства были сведены в одно центральное военное училище (мадрасе-йе незами). Программа нового училища была составлена на базе программы бывшего кадетского корпуса. Курс обучения в училище был 9-летним, в котором 7 лет отводились изучению общеобразовательных предметов, а 2 года – специальным. По окончании курса воспитанников выпускали в войсковые части, с производством в наибы 2 ранга (подпоручики). К 1923 году в 9-классах военного училища уже числилось до 350 человек. Для подготовки офицерских кадров стали практиковаться зарубежные командировки [45].

В военной модернизации Реза-хана важнейшее, если не основное, место занимает решение вопроса о комплектовании современной армии – сердцевины всех преобразований. Недаром, говоря о пяти важных европейских заимствованиях, таких как конституционная власть и привязанность к родине (патриотизм), Ахмад Кесрави говорит и о "новой системе набора солдат" [46]. Устаревшая система набора в армию – *бониче* – не отражала тех изменений, которые произошли в иранском обществе, и вместе с тем она уже не могла отвечать задачам строительства современной армии, поскольку вся тяжесть несения военной службы ложилась исключительно на плечи беднейших слоев крестьянства [47]. Кроме того, большим изъяном этой системы являлось фактическое исключение кочевых племен, а также городского населения из рекрутских списков.

В 1922 г. четвертый *меджлис* принял новый закон о воинской повинности, согласно которому к системе набора "*бониче*" были добавлены несколько новых положений. Тем не менее, уже в феврале 1923 г. Реза-хан изъявил желание ввести в стране новую систему набора, основанную на всеобщей воинской повинности. Однако в течение четырех лет его правления ему так и не удалось решить эту проблему и только в июне 1925 г. его проект о введении всеобщей воинской повинности был одобрен иранским парламентом. Согласно положению закона, отныне на воинскую службу призывались лица мужского пола, достигнувшие 21-летнего возраста. После двух лет службы в казармах, солдат до достижения ими 45 летнего возраста переводили в запас. Уже в первый год вступления в силу этого закона количество новобранцев составило 45 тысяч человек [48]. Между тем, согласно положению, от военной службы были освобождены клерикалы, религиозные преподаватели и студенты, а также единственные кормильцы семей. Вместе с тем отныне и представителям национальных меньшинств была дана возможность служить в армии. Военные преобразования Реза-хана дали повод еще в 1925 г. советскому автору назвать его "создателем национальной армии" [49].

Таким образом, военная модернизация стала средством на пути достижения окончательной цели иранского национализма – образования современного национального государства.

Заключение

Характерной чертой всех трех попыток военной модернизации в Иране в XIX в. является их органическая связь с военными реформами, проводившимися в султанской Турции конца XVIII – середины XIX в.

Таким образом, эти попытки не были итогом зрелости иранской военной или общественной мысли, а были отражением желания достичь европейского уровня развития военного дела путем механического заимствования, тем не менее, военную реформу Мирзы Таги-хана можно справедливо считать первой попыткой претворения в жизнь идеи единой армии, как основы национального государства.

К первым проявлениям иранского национализма можно отнести табачный бойкот 1890–1892 гг., когда жители страны проявили явные признаки наличия национального самосознания. Годы Конституционного движения в Иране (1905–1911 гг.) и сама конституция стали свидетельством развития идей национализма в стране. Тогда стали говорить об общественных свободах, свободе слова и прессы, о родине и свободе вероисповедания, о необходимости создания национальной армии и национального банка, и т.д. Особенно обострились национальные чувства иранцев в годы Первой мировой войны, когда, несмотря на объявленный страной нейтралитет, участники войны просто попирали его. Стремление народа освободиться от присутствия иностранных войск на иранской территории, безусловно, усиливало в нем националистические чувства. С другой стороны, большевистская угроза Ирану легла в основу политики Великобритании на поддержку политики иранского национализма в противостоянии с большевизмом. По этой причине унитарный национализм оказался востребованным как со стороны иранцев, так и со стороны политических кругов Великобритании.

В 1921–1925 гг. в результате проведенных Реза-ханом широких военных реформ, и благодаря решению вопроса о всеобщей воинской повинности, удалось организовать национальную армию.

Примечания:

1. Следует заметить, что некоторые авторы возрождение политического ислама относят к победе исламской революции в Иране. См.: Caesar E.Farah. *Islamic Fundamentalism as an Alternative to Nationalism – Nation and Ideology. Essays in Honour of Wayne S.Vucinich.* Edited by Ivo Banac, John G.Ackerman, and Roman Szporluk. New York, 1981, p.435.

2. По справедливому замечанию Хомы Катузизана, "на протяжении всего XIX в. иранские реформаторы в силе и расцвете Европы видели два фактора: современную технологию и власть, основанную на законе". См.: H.Katuzian. *State and Society in Iran. The Eclipse of the Qajars and the Emergence of the Pahlavis.* London-New York: I.B.Tauris Publishers, p.33.

3. См.: H.E.Chehabi. *Iranian Politics and Religious Modernism. The Liberation Movement of Iran under the Shah and Khomeini.* London: I.B.Tauris & Co Ltd Publishers, 1990, p.7.

4. Jamsheed K.Choksy. *Sacral kingship in Sasanian Iran, The Circle of Ancient Iranian Studies,* London, 1998, pp. 35-36.

5. Парвиз Бади. Наме-йе Фатхали-шах бе фарзандеш Аббас-мирза – Ганджине-йе Аснад. с.14.

6. David Menashri. *Iran's Revolutionary Politics. Nationalism and Islamic Identity – Ethnic Conflict and International Politics in the Middle East.* Edited by Leonard Binder. University Press of Florida, Gainesville, 1999, p.133.

7. H.E.Chehabi. *Iranian Politics and Religious Modernism,* p.9.

8. См.: Г.А.Клейман. Кризис военной системы феодальной Турции. К истории уничтожения янычарского корпуса. Кандидатская диссертация, М., 1949. сс.91-92.

9. О военных преобразованиях в Иране в первой трети XIX века смотри: Н.Тер-Оганов. Военные и внешнеполитические факторы создания регулярной армии в Иране в первой половине XIX века – *Canadian-American Slavic Studies,* 46 (2012), с.1-39.

10. Г.Кигурадзе. Проблема армии во время Великой французской буржуазной революции (1789-1794). Докторская диссертация, Тб., 1967, с.35-36, 951.

11. Н.К.Белова, В.Б.Никитин. Иран – Зарождение идеологии национально-освободительного движения (XIX – начало XX в.). Очерк по истории народов Востока. Москва: Издательство "Наука", 1973, с.112-113.
12. По справедливому замечанию Аббаса Аманата, идея модернизации Ирана зародилась в уме Мирзы Таги-хана под влиянием оттоманской и российской моделей реформ сверху. См.: Abbas Amanat. Pivot of the Universe. Nasir al-Din Shah Qajar and the Iranian Monarchy, 1831-1896. Berkely-Los Angeles, 1991, p.104.
13. Между прочим, сравнивая отношение общества к реформам или модернизации в Турции и Иране, Хома Натек приходит к ошибочному выводу о том, что в отличие от Турции, где правительство было инициатором реформ "танзимата", в Иране сам народ стремился к ней. См.: Хома Натек. Иран дар рахиаби-йе фарханги. 1834–1848. Париж, 1368 (1990), с.143-144.
14. А.М.Золотарев. Военно-статистический очерк Персии, СПб., 1888, с.42.
15. Франкини. Записка о персидской армии... от 20 сентября 1877 г. – Сборник материалов по Азии, вып. IV, СПб., 1883, с.7.
16. Мохаммад Хасан-хан Сани од-Доуле, Мират ал-Булдан-е Насери. Том II, Тегеран, 1294, с. 117.
17. См.: Джахангир Каем Маками, Тарихе тахавволат-е сияси-е незам-е Иран аз агаз-е карн-е яздахом-е хеджри та сал-е 1301 хеджри-е шамси. Тегеран, 1326/1947, с.68.
18. Мохаммад Хасан-хан Сани од-Доуле. Мират ал-Булдан-е Насери. Том II, с.69.
19. Реза Коли-хан Хедаят. Тарих-е роузат ос-Сафа-йе Насери. Том 10, Тегеран, 1339, с.465-466.
20. Джамиль Кузанлу. Тарих-е незам-е Иран. Том II, Тегеран, 1315, с.1054.
21. Фаридун Адамийат. Амир Кабир ва Иран. Тегеран, 1333, сс. 122-123; Мират ал-Булдане Насери, том II, сс.68, 70.
22. Российский государственный военно-исторический архив. Фонд 446, дело 41, л.16 об. (далее РГВИА).
23. РГВИА. Ф. 44, д. 41, л.27об.-28.
24. Эбрахим Сафай. Аснад-е нояфте. Тегеран, 1349, с.55-56.
25. M.Reza Afshari. The Historians of the Constitutional Movement and the Making of the Iranian Populist Tradition – International Journal of Middle East Studies, №2, 1993, p.483.
26. См.: Maryam Soltan Zadeh. History Education and the Construction of National Identity in Iran. Florida International University, p.6.
27. Nationalism in Asia and Africa. Edited and with an Introduction by Elie Kedourie. Cleveland: The World Publishing Company, 1970, p.1.
28. См.: Mohammad Saidi Fard. The Early Phases of Political Modernization in Iran: 1870-1925. Ph.D., University of Pennsylvania, 1974, p.41.
29. Абдоррафи Хакикат. Тарих-е нехзатха-йе фекри-йе ираниан дар доуре-йе каджари-йе (аз мола Али Нури та Адиб ол-Мамалек Фарахани). Часть вторая, Тегеран, 1368, с.806.
30. См.: Яхья Доулатабади. Хайат-е Яхья. Том третий, Тегеран, 1361, с.36.
31. Там же. с.41.
32. В этой связи можно разделить мнение Джона Брюили о двух типах национализма: "унитарного" и "сепаратистского". См.: John Breuilly. Nationalism and The State-Nationality, Patriotism and Nationalism in Liberal Democratic Societies. Edited by Roger Michener. St.Paul, Minnesota, 1993, p.22.
33. См.: M. Reza Ghods. Iranian Nationalism and Reza Shah – Middle Eastern Studies, Vol.27, issue 11, 1991, p.37.
34. Iran. Political Diaries. 1881-1965. Vol.6, 1921-1923. General Editor Dr.Km.Burell, Archive Editions, 1997, p.349.
35. Mohammad Saidi Fard, p.46.
36. Мариам Солтан Заде ошибочно полагает, что целью государственного переворота 1921 года было "ограничение русского контроля над иранской территорией". См.: Maryam Soltan Zadeh, p.7.
37. Необходимо заметить, что идея военной модернизации Ирана путем создания в Иране единой регулярной армии на базе Персидской казачьей дивизии, жандармерии и Корпуса южноперсидских стрелков была сформулирована в телеграмме Перси Кокса еще в

марте 1920 года. См.: Documents on British Foreign Policy. 1919-1939. Edited by Rohan Butler, M.A. and J.P.T. Bury. First Series. Vol. XIII, London: Her Majesty's Stationary Office, 1963, p.450.

38. См.: Н.К.Тер-Оганов. Персидская казачья бригада, 1879-1921 гг. М.: Издательство ИВ РАН, 2012. с. 269-270.

39. В корне нельзя согласиться с утверждением Хомяюна Катузиана о том, что националистическая идеология якобы была полностью отклонена во время прихода к власти первого правителя Пехлеви. См.: Homayoun Katouzian. Nationalist Trends in Iran: 1921-26 – The International Journal of Middle East Studies, Nov. 1979, а также Ghods, p.35. Дело в том, централизация страны и создание национальной армии уже свидетельствуют о наличии националистических устремлений у Реза-хана.

40. Nikki R. Keddie. Qajar Iran and the Rise of Reza Khan. 1796-1925. Mazda Publishers, 1999, p.83.

41. Вполне возможно, что введением в употребление термина "кошун" Реза-хан хотел подчеркнуть свою связь с идеей конституционалистов о создании национальной армии – кошун. Но Реза-хан не довольствовался этим, он заменил старые воинские звания на новые, выбрав более "национализированные" их формы: наиб, наиб солтан, явер, сарханг, сартип, амир лашгяр и сепахбод. См.: Махнаме-йе артеш. №4, сал-е сиохаштом, 1338(1959), с.23.

42. См.: Stephanie Cronin. The Army and the Creation of the Pahlavi State in Iran, 1910-1926, London-New York: Tauris Academic Studies, p.108.

43. Iran. Political Diaries. 1881-1965. Vol.6, 1921-1923. General Editor Dr.Km.Burell, Archive Editions, 1997, p.140.

44. Н.Г.Корсун. Персия. Курс лекций по военной географии, читанных на втором курсе восточного отдела военной академии Р.К.К.А. Москва: Высший военный редакционный совет, 1923, с.83.

45. Н.Г.Корсун. Персия, с.78.

46. Ахмад Касрави. Ма че мибахим? – "Пейман", 1319, с.34.

47. См.: Н.Г.Корсун. Персия, с.75.

48. А.М.Эхтешам Оулиаи. Кетабе Иран ва Реза-шахе кабир. Тегеран: Чапе эттехад, 1335, с.184.

49. Червонный А. Что происходит в Персии? // Коммунистический интернационал, №11 (48), седьмой год издания, Москва, 1925, с.106.

References:

1. Sleduet zametit', chto nekotorye avtory vozrozhdenie politicheskogo islama odnosyat k pobede islamskoi revolyutsii v Irane. См.: Caesar E.Farah. Islamic Fundamentalism as an Alternative to Nationalism – Nation and Ideology. Essays in Honour of Wayne S.Vucinich. Edited by Ivo Banac, John G.Ackerman, and Roman Szporluk. New York, 1981, p.435.

2. Po spravedlivomu zamechaniyu Khomy Katuziana, "na protyazhenii vsego XIX v. iranske reformatory v sile i rastsvete Evropy videli dva faktora: sovremennuyu tekhnologiyu i vlast', osnovannuyu na zakone". См.: Н.Катузиан. State and Society in Iran. The Eclipse of the Qajars and the Emergence of the Pahlavis. London-New York: I.B.Tauris Publishers, p.33.

3. См.: Н.Е.Чехаби. Iranian Politics and Religious Modernism. The Liberation Movement of Iran under the Shah and Khomeini. London: I.B.Tauris & Co Ltd Publishers, 1990, p.7.

4. Jamsheed K.Choksy. Sacral kingship in Sasanian Iran, The Circle of Ancient Iranian Studies, London, 1998, pp. 35-36.

5. Parviz Badii. Name-ie Fatkhali-shakh be farzandesh Abbas-mirza – Gandzhine-ie Asnad. s.14.

6. David Menashri. Iran's Revolutionary Politics. Nationalism and Islamic Identity – Ethnic Conflict and International Politics in the Middle East. Edited by Leonard Binder. University Press of Florida, Gainesville, 1999, p.133.

7. Н.Е.Чехаби. Iranian Politics and Religious Modernism, p.9.

8. См.: G.A.Kleiman. Krizis voennoi sistemy feodal'noi Turtsii. K istorii unichtozheniya yanycharskogo korpusa. Kandidatskaya dissertatsiya, M.. 1949. ss.91-92.

9. O voennykh preobrazovaniyakh v Irane v pervoi treti XIX veka smotri: N.Ter-Oganov. Voennye i vneshnepoliticheskie faktory sozdaniya regul'yarnoi armii v Irane v pervoi polovine XIX veka – Canadian-American Slavic Studies, 46 (2012), с.1-39.

10. G.Kiguradze. Problema armii vo vremya Velikoi frantsuzskoi burzhuaznoi revolyutsii (1789-1794). Doktorskaya dissertatsiya, Tb., 1967, s.35-36, 951.
11. N.K.Belova, V.B.Nikitin. Iran – Zarozhdenie ideologii natsional'no-osvoboditel'nogo dvizheniya (XIX – nachalo XX v.). Ocherk po istorii narodov Vostoka. Moskva: Izdatel'stvo "Nauka", 1973, s.112-113.
12. Po spravedlivomu zamechaniyu Abbasa Amanata, ideya modernizatsii Irana zarodilas' v ume Mirzy Tagi-khana pod vliyaniem ottomanskoi i rossiiskoi modelei reform sverkh. Sm.: Abbas Amanat. Pivot of the Universe. Nasir al-Din Shah Qajar and the Iranian Monarchy, 1831-1896. Berkely-Los Angeles, 1991, p.104.
13. Mezhdru prochim, sravnivaya otnoshenie obshchestva k reformam ili modernizatsii v Turtsii i Irane, Khoma Natek prikhodit k oshibochnomu vyvodu o tom, chto v otlichie ot Turtsii, gde pravitel'stvo bylo initsiatorom reform "tanzimata", v Irane sam narod stremilsya k nei. Sm.: Khoma Natek. Iran dar rakhiabi-ie farkhangi. 1834–1848. Parizh, 1368 (1990), s.143-144.
14. A.M.Zolotarev. Voенno-statisticheskii ocherk Persii, SPB., 1888, s.42.
15. Frankini. Zapiska o persidskoi armii... ot 20 sentyabrya 1877 g. – Sbornik materialov po Azii, vyp. IV, SPb., 1883, s.7.
16. Mokhammad Khasan-khan Sani od-Doule, Mirat al-Buldan-e Naseri. Tom II, Tegeran, 1294, s. 117.
17. Sm.: Dzhakhangir Kaem Makami, Tarikhe takhavvolat-e siyasi-e nezam-e Iran az agaz-e karn-e yazdakhom-e khedzhri ta sal-e 1301 khedzhri-e shamsi. Tegeran, 1326/1947, s.68.
18. Mokhammad Khasan-khan Sani od-Doule. Mirat al-Buldan-e Naseri. Tom II, s.69.
19. Reza Koli-khan Khedayat. Tarikh-e rouzat os-Safa-ie Naseri. Tom 10, Tegeran, 1339, s.465-466.
20. Dzhamil' Kuzanlu. Tarikh-e nezami-e Iran. Tom II, Tegeran, 1315, s.1054.
21. Faridun Adamiat.Amir Kabir va Iran. Tegeran,1333, ss.122-123; Mirat al-Buldane Naseri, tom II, ss.68,70.
22. Rossiiskii gosudarstvennyi voенno-istoricheskii arkhiv. Fond 446, delo 41, l.16 ob. (dalee RGVIA).
23. RGVIA. F. 44, d. 41, l.27ob.-28.
24. Ebrakhim Safai. Asnad-e noyafte. Tegeran, 1349, s.55-56.
25. M.Reza Afshari. The Historians of the Constitutional Movement and the Making of the Iranian Populist Tradition – International Journal of Middle East Studies, №2, 1993, p.483.
26. Sm.: Maryam Soltan Zadeh. History Education and the Construction of National Identity in Iran. Florida International University, p.6.
27. Nationalism in Asia and Africa. Edited and with an Introduction by Elie Kedourie. Cleveland: The World Publishing Company, 1970, p.1.
28. Sm.: Mohammad Saidi Fard. The Early Phases of Political Modernization in Iran: 1870-1925. Ph.D., University of Pennsylvania, 1974, p.41.
29. Abdorafi Khakikat. Tarikh-e nekhzatkha-ie fekri-ie iranian dar doure-ie kadzhari-ie (az mola Ali Nuri ta Adib ol-Mamalek Farakhani). Chast' vtoraya, Tegeran, 1368, s.806.
30. Sm.: Yakh'ya Doulatabadi. Khaiat-e Yakh'ya. Tom tretii, Tegeran, 1361, s.36.
31. Tam zhe. s.41.
32. V etoi svyazi mozhno razdelit' mnenie Dzhona Bryuili o dvukh tipakh natsionalizma: "unitarnogo" i "separatistskogo". Sm.: John Breuilly. Nationalism and The State- Nationality, Patriotism and Nationalism in Liberal Democratic Societies. Edited by Roger Michener. St.Paul, Minnesota, 1993, p.22.
33. Sm.: M. Reza Ghods. Iranian Nationalism and Reza Shah – Middle Eastern Studies, Vol.27, issue 11, 1991, p.37.
34. Iran. Political Diaries. 1881-1965. Vol.6, 1921-1923. General Editor Dr.Km.Burell, Archive Editions, 1997, p.349.
35. Mohammad Saidi Fard, p.46.
36. Mariam Soltan Zade oshibochno polagaet, chto tsel'yu gosudarstvennogo perevorota 1921 goda bylo "ogranichenie russkogo kontrolya nad iranskoi territoriei". Sm.: Maryam Soltan Zadeh, p.7.
37. Neobkhodimo zametit', chto ideya voенnoi modernizatsii Irana putem sozdaniya v Irane edinoi regul'arnoi armii na baze Persidskoi kazach'ei divizii, zhandarmerii i Korpusa

yuzhnopersidskikh strelkov byla sformulirovana v telegramme Persi Koksa eshche v marte 1920 goda. Sm.: Documents on British Foreign Policy. 1919-1939. Edited by Rohan Butler, M.A. and J.P.T.Bury. First Series. Vol.XIII, London: Her Majesty's Stationary Office, 1963, p.450.

38. Sm.: N.K.Ter-Oganov. Persidskaya kazach'ya brigada, 1879-1921 gg. Moskva: Izdatel'stvo IV RAN, 2012. s.269-270.

39. V korne nel'zya soglasitsya s utverzhdeniem Khomyayuna Katuziana o tom, chto natsionalisticheskaya ideologiya yakoby byla polnost'yu otklonena vo vremya prikhoda k vlasti pervogo pravatelya Pekhlevi. Sm.: Homayoun Katouzian. Nationalist Trends in Iran: 1921-26 – The International Journal of Middle East Studies, Nov. 1979, a takzhe Ghods, p.35. Delo v tom, tsentralizatsiya strany i sozdanie natsional'noi armii uzhe svidetel'stvuyut o nalichii natsionalisticheskikh ustremlenii u Reza-khana.

40. Nikki R.Keddie. Qajar Iran and the Rize of Reza Khan. 1796-1925. Mazda Publishers, 1999, p.83.

41. Vpolne vozmozhno, chto vvedeniem v upotreblenie termina "koshun" Reza-khan khotel podcherknut' svoyu svyaz' s ideei konstitutsionalistov o sozdanii natsional'noi armii – koshun. No Reza-khan ne dovol'stvovalsya etim, on zamenil starye voinskie zvaniya na novye, vybrav bolee "natsionalizirovannye" ikh formy: naib, naib soltan, yaver, sarkhang, sartip, amir lashgyar i sepakhbod. Sm.: Makhname-ie artesh. №4, sal-e siokhashtom, 1338 (1959), s.23.

42. Sm.: Stephanie Cronin. The Army and the Creation of the Pahlavi State in Iran, 1910-1926, London-New York: Tauris Academic Studies, p.108.

43. Iran. Political Diaries. 1881-1965. Vol.6, 1921-1923. General Editor Dr.Km.Burell, Archive Editions, 1997, p.140.

44. N.G.Korsun. Persiya. Kurs lektsii po voennoi geografii, chitannykh na vtorom kurse vostochnogo otdela voennoi akademii R.K.K.A. Moskva: Vysshii voennyi redaktsionnyi sovet, 1923, s.83.

45. N.G.Korsun. Persiya, s.78.

46. Akhmad Kasravi. Ma che mikhakhim? – "Peiman", 1319, s.34.

47. Sm.: N.G.Korsun. Persiya, s.75.

48. A.M.Ekhtesham Ouliai. Ketabe Iran va Reza-shakhe kabir. Tekhran: Chape ettekhad, 1335, s.184.

49. Chervonnyi A. Chto proiskhodit v Persii? // Kommunisticheskii internatsional, №11 (48), sed'moi god izdaniya, Moskva, 1925, s.106.

УДК 93

От военной модернизации к национализму и национальному государству в каджарском Иране

Нугзар Константинович Тер-Оганов

Тель-авивский университет, центр иранских исследований, Израиль

Доктор исторических наук

E-mail: nteroganov@yahoo.com

Аннотация. В статье рассматриваются исторические вехи развития каджарского Ирана в XIX веке. После ряда поражений от Российской империи в первой трети XIX века правительство Ирана начало серьезно задумываться о модернизации своей армии. Автор также уделил внимание понятию национализм в Иране и выявил его характерные особенности.

Ключевые слова: военная модернизация; национализм; Иран.